

ХУДОЖНИКОВ МНОГО.

Кто бы мог подумать, что посещение Президентом государства художественной выставки может вызвать столь бурную реакцию. Ну сходил себе — и сходил. Ну сказал что-то, глядя на картины, пусть и не продемонстрировав при этом глубокого знания живописных законов и изысканного эстетического чутья. Пусть автор произведений вел себя при этом не так, как это требовало бы от творца отечественная традиция взаимоотношений художника и власти. Но чтобы вслед этому обрушился такой вал ехидства, критики и откровенной издевки над тем и над другим!..

Конечно, сами по себе картины Ильи Глазунова, показанные Борису Ельцину в Манеже, — отнюдь не главная причина подобной реакции. Дурную роль, как всегда, сыграло общественное мнение. К высказываниям об искусстве первых лиц у нас вообще давно относятся скептически. И это вполне справедливо, если учесть, что несколько сказанных в раздражении слов вполне могли изменить и судьбу художника, и даже естественный ход развития культуры.

Что же касается самого Глазунова, то уже многие годы оно воспринимается как чисто живописец или рисовальщик, и стал он притчей во языцех благодаря своей бешеной энергии, вхожести к великим мира сего, предполагаемому богатству, экстравагантным заявлениям, приверженности системе взглядов, почему-то всегда считающейся оппозиционной.

Этот визит в Манеж, ради которого было отложено закрытие выставки, хоть и наделал шуму, но все же не такого, что-

бы не сделать однозначного вывода: как ни относиться к творчеству Ильи Сергеевича, приходится признать, что нет в нашей стране ни одного художника, выставка которого собрала бы столько зрителей, привлекла бы такое количество критиков, прессы, знаменитостей, высших чиновников, дипломатов. Да и есть ли вообще среди наших художников (и живущих на Родине, и столь прославляемых ныне эмигрантов) кто-то, о ком говорили бы так много?

Уже хотя бы по этому одному глупо по-снобски игнорировать его творчество или перечеркивать его безапелляционными заявлениями о том, что «Глазунов не умеет рисовать». Феномен есть феномен. И куда от этого не денешься.

Неудивительно ли и то, что Глазунову удается сохранять столь широкое внимание к себе вот уже почти тридцать лет! И особенно удивительно это сейчас, когда один за другим ни-спровергаются, забываются, уходят в тень кумиры, казавшиеся вечными. Когда пылятся сотнями на книжных полках богатые бестселлеры, когда на дальнюю полку заброшены кассеты с некогда обожаемыми бардами или рокерами... А Глазунов, вот, пожалуйста — новая выставка, ажиотаж, очереди, и не такие, как раньше.

Его всегда обвиняли в конъюнктурности. Но в зависимости от времени — в разной. Когда же на рубеже 80—90-х годов подземные переходы заполни-

ли торговцы с черно-белыми репродукциями его «Святой Руси» и «Мистерии XX века» (с неперменным списком внизу: кто есть кто), его противники убежденно резюмировали: наконец-то картины предстали в подобающем им качестве, а далее ему не пойти. Но и они ошиблись. Ведь именно за последние годы Глазунов создал престижный художественный вуз и написал десятки новых полотен, все так же остающихся в зоне внимания.

Стало быть, художник находил и находит пути к чувствам наших соотечественников. Какие? Попробуем назвать лишь некоторые из них.

Проще всего, конечно, предположить, что главные ценители Глазунова — эстетически неразвитые обыватели. Так, собственно, и делал в 86-м году, когда многочасовые очереди в Манеж были объяснены стандартным инстинктом завсегдаев соседнего ГУМа, которым все равно, за чем стоять.

В этом есть доля истины, хотя и малая доля.

Некогда издательство «Изобразительное искусство» ежегодно выпускало серию открыток с репродукциями популярных картин. Поскольку живописное полотно — не модный шлягер, довольно условный рейтинг определялся путем опроса в какой-нибудь газете. Из года в год читатели называли одни и те же шедевры: «Всадница» Брюллова, «Девочка с персиками» Серова, «Царевна-

Лебедь» Врубеля, «Утро в новом бору» Шишкина, «Неизвестная» Крамского, «Золотая осень» Левитана... Так они и издавались. Один и тот же набор с дополнениями чего-нибудь из Релина, Куинджи, Нестерова, Петрова-Водкина. Даже когда стали выпускать шоколадные наборы с репродукциями на коробках, витрины кондитерских украсили знакомые пейзажи и красавицы.

Этот выбор свидетельствовал, безусловно, об особенностях нашего менталитета. О воспитании, характере, даже о свойствах «загадочной славянской души».

С детства — из азбук для дошколят, из учебников по родной речи, литературе и истории, со стен детских садов и школ — в нас входили эти женские образы и эти пейзажи, становясь частью нашей жизни наравне с цитатами из Грибоедова, Пушкина и Островского. Литературное сознание с вечными аналогиями с Татьяной и Наташей, с Печориным и Болконским, нравственный кодекс, в котором, будто по статьям, расписаны цитаты классиков, гармонично дополнился зримыми образами.

На красоты родных лесов и полей автоматически накладывались строчки из Никитина, а «Неизвестная» Крамского как-то сама собой начинала иллюстрировать Блока.

Вполне понятно, что ряд классиков не может быть безграничным. И соотносить свое миро-

ГЛАЗУНОВ — ОДИН

возрение с героями, скажем, Черного или Замятина большинству далеких от искусства людей так же несвойственно, как и вспоминать образы П. Кузнецова, глядя на пустынные пейзажи, или П. Филонова, всматриваясь в лица женщин.

Произведения же Ильи Глазунова этой системе восприятия не только не противоречат, но и органично вписываются в нее. Его портреты и композиции реалистичны. Герои его портретов узнаются почти моментально, они живут не столько своей внутренней жизнью, сколько общественным представлением о них. Красота, такая, какой ее видит Глазунов, неуязвима перед разными авангардистскими штучками. Эмоции, выраженные на портретах, просты и понятны: гордость, грусть, задумчивость. Художник не боится довести их прямо-таки до лубочной преувеличенности — если уж кто-то плачет, то слезами величиной с горошину.

Как не прийти, как не постоять задумчиво у картины?.. Но, повторяю, это зашоренный взгляд на очередь в Манеж. Если же взглянуть на нее шире, то непременно обнаружится в ней других людей — инженеров, врачей, учителей, студентов. То есть интеллигенция, по преимуществу техническую. (Сужу по откликам в прессе, книге отзывов, опросам). Для них, генно впитавших душевные качества русской природы, чувствующих потребность

в некоей неопределенной «духовности», Глазунов создал идеальный объект для подпитки.

О русской «духовности» написано достаточно. Она включает в себя многое, в том числе и вышеупомянутые литературность с хрестоматийностью, и иррациональность, и беспечность, и самокопание. Но когда однажды я спросил своих студентов (гуманитариев, кстати сказать), что, на их взгляд, является «квинтэссенцией русской духовности», все, как один, ответили — «икона». Это было для них настолько базисным, что, когда разговор перешел на другие искусства (кино, театр, литературу), само наличие темы святости, христианства, церкви, — даже не темы, только лишь метафоры — подразумевали для них определенную меру «духовности».

Но никто из этих ребят не мог толком объяснить, что такое «обратная перспектива», как устроен иконостас, какую роль играл в русском православном искусстве исихазм.

Глазунов, наполнив свои картины иконописными (по некоторым чертам поверхностного сходства) ликами, освятил головы нимбами, предложил упрощенную, для повседневности, модель русской «духовности». Глядя на его большие картины, не надо было мучительно вспоминать жития святых. Этого не требовалось. Художник предлагал свою модель истории, существования и деяний государ-

ственных деятелей, гениев и злодеев, ангелов и демонов, сам возводился в ранг святых. Зрителю надо было лишь как в кроссворде — по атрибутам или по подсказке — угадать, кто есть кто. И вслед за тем почувствовать себя прикоснувшимся к тайне. Будто Евангелие прочитали. Пусть и от Глазунова.

Понятно, почему такое внимание привлекли эти картины во времена государственного отторжения всего, что связано с религией. Понятно и теперь, когда русская «духовность» обрела нового врага в лице рынка.

Конечно, ценна приверженность Глазунова тому, что он называет реализмом. Ценно и то, что любовь к нему он прививает и своим ученикам, работ которых также были выставлены в Манеже.

Надо сказать, ученики вполне соответствуют времени и еще больше — своему мастеру. Пятнадцать лет назад, когда Илья Сергеевич еще вел курс в Суриковском, мне случилось быть на экзаменах его мастерской. Помню странное впечатление, произведенное работами. Хороший, уверенный рисунок. Безусловное знание анатомии, неплохой колорит. И совершенно одинаковые, будто кистью одного живописца выполненные композиции. Чувствовалось, как за спиной волнующегося школяра стоял мастер в элегантном костюме и одним взглядом своей гипнотической личности направлял его

руку в нужную сторону. (Правда, после того посещения мне уже никогда не казались серьезными утверждения, что Глазунов не умеет рисовать).

Теперь впечатление несколько иное. Конечно, И. Глазунов, несмотря на его взгляды и пристрастия, не отец Зинон. Этот, становящийся все более знаменитым, священник и иконописец из Пскова основал в Мирожском монастыре иконописную школу. Он отказался от светских учеников, убедившись в их неспособности постичь всю глубину русской духовной живописи. И ныне он учит молодых людей, проходящих одновременно обет послушания. Три года, пять лет они растирают краски, подают кисти. И лишь десять лет спустя начинают работать самостоятельно.

Ученики Глазунова — люди вполне светские во всех отношениях. Они получают хорошую школу. Как чисто профессиональную, так и умения подать себя. Они прекрасно копируют, что очень важно. Они уже не так единообразны, как это было раньше, но явное влияние мастера есть. В рамках реалистической школы маэстро научил их искать... Не себя, нет. Искать отклик у зрителей. Они не будут годами растирать краски и почитательно подавать кисти. Но они, бесспорно, найдут ценителей и покупателей. Хотя второго Глазунова из них, вероятно, всего, не получится.

Да и не надо. Художников много, а Илья Глазунов может быть только один. И, наверное, никогда его поклонникам и недругам не прийти к единому мнению — хорошо это или плохо.

Сергей БЕДНОВ.

Безумная энергия